

З.Г. Айвазова, М.А. Гасанова

Лингвокультурологическая специфика обращений в лезгинском и китайском языках

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; gkm_iyvazova09@mail.ru, gas.marina@mail.ru*

В статье приведены результаты сопоставительного лингвокультурологического исследования обращений в таких разноструктурных языках, как лезгинский и китайский; рассматриваются сходства и различия лингвокультур в рамках реализации формул обращений; анализируются языковые и речевые средства выражения этикетных формул. Предпринята попытка выявить общие и отличительные черты в реализации формул обращений и национально-культурных компонентов семантики этикетной лексики. Использован материал, полученный у информантов–носителей языков, а также из языковых корпусов и словарей открытого доступа на лезгинском и китайском языках. Собранный языковой материал структурирован по двум категориям – обращения в семье и обращения к не родственникам. Выявлено, что лезгинская и китайская лингвокультуры обнаруживают множество общих, перекликающихся черт: особое почитание старшего поколения, доминирование патриархальных устоев, добавление вокативных частиц с уменьшительно-ласкательным оттенком семантики обращения, стремление к сокращению обращений до односложных структур, а также использование терминов родства по отношению к не родственникам.

Ключевые слова: лезгинский язык, китайский язык, обращение, лингвокультурология, сопоставительный анализ, языковая культура, вокатив, речевой этикет.

У каждого этноса своя система правил и норм речевого поведения. Сущность феномена обращений рассматривается как с лингвистических, так и с культурологических позиций. Сопоставительное изучение их как базовых элементов речевого этикета в разных языковых картинах мира предоставляет необходимую основу для любых лингвокультурологических исследований, так как правильно выстроенная стратегия коммуникации способствует достижению успешного межкультурного взаимодействия.

Растущее влияние Китая на международной экономической, политической [1] и культурной арене, а также все возрастающий интерес современных лингвистических научных кругов в исследовании языков национальных меньшинств и проблем их сохранения [2] привели к необходимости проведения сопоставительных лингвокультурологических исследований в этой области.

Исследования в области лингвокультурологии, изучающей проявления, отражение и фиксацию культуры в языке, непосредственно связанные с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса [3], сегодня являются весьма востребованными и перспективными. Важность лингвокультурологических исследований отмечал еще В. фон Гумбольдт, говоря, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её, в каждом языке заложено самобытное мироизречение» [4]. Вза-

мосвязь языка и мышления, позже сформулированная в *гипотезу лингвистической относительности*, была объектом исследования и таких лингвистов, как Э. Сепир, Э. Уорф, Ф. де Соссюр, Ф. Боас и др. Таким образом, язык и культура находятся в своеобразном симбиозе, посредством которого можно наглядно отобразить и изучить сознание как отдельного человека, так и целого этноса.

Языковой корпус исследовательского материала составил около 200 единиц, собранных как непосредственно у носителей сопоставляемых языков, так и на информационных платформах лезгинского онлайн-словаря «Гаф» [5] и корпуса китайского языка, разработанного Пекинским университетом [6]. Фактический материал был систематизирован и сгруппирован на «обращения в семье» и «обращения к не родственникам».

Общей характерной чертой лингвокультур сравниваемых языков выступают культ старших и патриархальность (главой семьи выступает старший мужчина в семье). В Древнем Китае к такому человеку существовало специальное обращение **家长** (jiāzhǎng) букв. «старший в семье», которое в современном китайском почти утратило такую семантику и служит теперь для называния родителей ребёнка (например, в школе). В современном лезгинском языке специальное обращение такого характера отсутствует.

Рассмотрим представленные в языках обращения к старшему поколению:

лезг.: ч¹ехи буба/ч¹ехи ба (букв. старший отец) – литературное обращение к девушки; буба диал.; бубошка – вариант с использованием суффиксации русского языка;

ч¹ехи диде/ ч¹ехи де – литературное обращение к бабушке (букв. старшая мать); баде (сокр. от бубодин диде (букв. мать отца), обращение распространено в Ахтынском районе РД) – бабушка; баяъ (сокр. от бубодин яъ) – диал. обращение к матери отца; ч¹ехи яъ диал. обращение к бабушке;

кит.: 爷爷 (yéye; сокр. от 爷 yé) – часто используемое обращение к девушки со стороны отца на общекитайском языке *путунхуа*; 奶爷 (nǎiyē) – разг. вариант обращения к деду по линии отца или к деду жены/мужа по отцу; 兜公 (gōnggōng) – вариант обращения к родителю отца, данный вокатив используется и по отношению к свекру; 外公 (wàigōng) – обращение к деду со стороны матери на общекитайском языке *путунхуа*; 姥爷 (lǎoye, вар. 老爷) – диал. обращение к деду со стороны матери;

奶奶 (nǎinai) – мать отца; 外婆 (wàipó) – бабушка по матери; 姥姥 (lǎolao) – диал. обращение к бабушке по материнской линии.

Общими чертами обращений к старшему поколению в рассматриваемых языках является то, что они представлены вокативами, образованными путем контаминации:

лезг.: баде, баяъ (от бубодин диде) (букв. отец матери);

кит.: 奶爷 (nǎiyē) и 姥爷 (lǎoye) (от «奶奶的爷爷» (nǎinaide yéye) и «姥姥的爷爷» (lǎolaode yéye) букв. дед (в значении «муж») бабушки со стороны отца/матери).

Но в китайском языке имеет место более строгая дифференциация между обращениями к представителям стороны отца или матери. В лезгинском языке подобного рода различие обнаружено только по отношению к деду со стороны матери и только в диалектной форме употребления, что является свидетельством доминирования патриархальной, отцовской линии рода, т. к. иероглиф 外人, используемый перед обращениями к старшим по материнской линии, имеет значения «внешний», «наружный», «чужой» (ср. 外人 (wàirén) чужой человек, 老外 (lǎowài) иностранец). Таким образом, бабушка и девушки по матери в китайском языке исторически считались «чужими» по сравнению с отцовскими. Такое отношение существует и в лезгинской культуре, хотя и

не имеет соответствующей языковой маркировки. Сегодня данное разграничение все-таки носит в основном условный характер.

Концепция патриархальности репрезентируется в особых формах обращений и актуализируется во фразеологических и паремиологических единицах. Например:

лезг.: *Жувалай чехи къванцелни меслят гъваши.* – «Если нет старшего, спроси у старшего камня»; *Чехида лагъайвал тавурдал чехи бала къведа.* – «Кто ослушается старшего, тот в великую беду попадёт»; *Чехиди авачир хизднни сад я, кыил алачир къушинни.* – «Семья без старшего ивойско без предводителя – одно и то же»; *Итимдин къадар итимдиз чир жеда, цувкведин къадир билбидиз.* – «Мужчину оценит только мужчина, цветок оценит соловей» [7];

кит.: 孝感动天 (xiàogāndòngtiān) – «Сыновняя почтительность растрогала небо» [8]. 父母教 须敬听 (fù mǔ jiào, xū jìng tīng) – «Когда родители учат, дети должны с уважением слушать». 父在前子不言 (fù zài qián zǐ bù yán) – букв. «Когда отец впереди, сын безмолвен». 子不傲父 (zǐ bù ào fù) – «Сын не может быть высокомерным перед своим отцом». 父命不可违 (fù mìng bù kě wéi) – «Приказ отца не может быть нарушен» [9]. 妻妇是墙上的泥, 去了旧的换新的 – «Жена – лишь слой необожженной глины на стене. Сойдет старый слой – покажется новый». 男人不当家, 扫帚颠倒竖 – «Когда мужчина не встает во главе дома, все дела идут шиворот-навыворот» [10].

По отношению к отцу носители лезгинского языка используют следующие вокативы: *буба* (существуют также диалектные фонетические варианты *баба*, *бубо*, *бобо*, сокращенный вариант: *бо*, *ба*) – литературный вариант обращения, в некоторых районах используется и по отношению к деду; *дах* (преимущественно в Курахском районе РД); *даш* – диалектное обращение, распространено в Докузпаринском районе РД; *пана* – русизм, заимствованный вокатив.

При обращении к матери: *диде* – литературный вариант в некоторых районах используется при обращении к бабушке; *бах*; *яь* (распространённое в с. Гельхен Курахского района и с. Хлют Рутульского района РД); *хаяъ* (в некоторых сёлах Ахтынского района РД); *мама* – русизм, заимствованный вокатив.

кит.: обращение к отцу: 爸爸 *bàba* (сокращенный вариант 爸 *bà*) – официальное универсальное обращение на государственном языке *путунхуа*; 老爸 (*lǎobà*) – разговорный вариант обращения; 爹比 (*bàbǐ*) – разг., по образцу анг. *Daddy*; 阿爸 (*ābà*) – обращение к отцу в южнофуцзянском диалекте (диалектная группа *Минь*), префикс *阿* добавляет ласкательный оттенок; 爹 (*diē*) – диалектное разговорное обращение, распространено в деревнях провинции Гуанчжоу, берёт начало в *вэньяне* (древнекитайский язык); 爹哋 (*diēdì*) или 爹爹 (*diēdie*) – обращение в кантонском диалекте, от анг. *Daddy*; 爪 (уé) – диалектное обращение к отцу (образовано от 爷爷 – дед по отцу); 老头 *lǎotóu*) – фамильярное обращение «старик»; 达达 (*dádá*) – распространённое в северных диалектах обращение к отцу; 老汉 (儿) (*lǎohàn*) – обращение к отцу в провинции Сычуань;

обращение к матери: 妈妈 (*māma*), 妈 (mā сокращённое) – универсальное обращение на *путунхуа*; 妈咪 (*māmi*) – обращение ребёнка к маме, от анг. *Mummy*; 阿妈 (*āmā*) – обращение к матери в южнофуцзянском диалекте группы *Минь*, префикс *阿* добавляет ласкательный оттенок; 娘 (*niáng*) – разговорный вариант, распространён в деревнях провинции Гуанчжоу, берёт начало в *вэньяне* (древнекитайский язык); 阿娘 (*āníang*) – диалектное обращение, встречается на юге Китая (провинция Гуанчжоу); 阿

母 (āmū) – «молочная мать»; 老母 (lǎomǔ) – обращение к матери в возрасте; 额娘 (éniáng) – обращение, распространенное у маньчжуров.

Как видим, в китайском языке, как и в лезгинском, обращения к родителям однозначны, встречаются также сокращенные формы и диалектные варианты. Характерное для лезгинского языка добавление вокативной частицы я, смягчающей тональность в начале обращения (чаще в сочетании ся чан), перекликается с использованием префикса 爷 в южнофуксянском диалекте китайского языка. В обоих случаях такой способ обращения добавляет уменьшительно-ласкательный оттенок.

лезг.: обращение к дяде: *халу, дайи* – обращения к брату матери; *амле, ими* – обращение к брату отца; обращение к тёте: *хала* – тетя со стороны матери; *дидевах* (сокр. *девах*, букв. мамина сестра) – обращение к сестре матери; *эме* – обращение к сестре отца; *бубавах* (сокр. *бовах*, букв. папина сестра) – обращение к сестре отца; *свас* (букв. «невеста») – обращение к жене дяди; *имицвас* (сокр. от *имидин свас*) – жена дяди по отцовской линии; *халудвас* (сокр. от *халудин свас*) – жена дяди по материнской линии;

кит.: обращение к дяде: 伯父 (bófù; разг. 伯伯 bóbō) – дядя, старший брат отца; 叔叔 (shūshu; сокр. от 叔 shū) – дядя, младший брат отца; 哥哥 (jījiōu; сокр. от 哥 jiōu.) – дядя, брат матери (и старший, и младший); 姑父 (gūfu) / 姑夫 (gūfu) / 姑丈 (gūzhàng) – муж тёти по отцу; 姨父 (yífù) / 姨夫 (yífū) / 姨丈 (yízhàng) – муж тёти со стороны матери;

обращение к тёте: 姑姑 (gūgu) – тётя со стороны отца; 姨妈 (yímā) / 阿姨 (āyí) – обращение к сестре матери; 姨婆 (yípó) – устар., тётя со стороны матери, так обращаются и к сёстрам бабушки; 姨母 (yímǔ) – обращение к тёте (уже замужней) по матери; 大妈 (dàmā) / 伯母 (bómǔ) – обращение к жене старшего брата отца; 姻婶 (shēnshěn) – обращение к жене младшего брата отца.

В китайском языке представлены обращения, подчеркивающие конкретный порядок старшинства. Например, к самому старшему дяде будут обращаться 大伯 или 大叔, 大舅 (大 dà – старший), к младшей тете – 小姑, 小姨 (小 xiǎo – младший), а если их несколько в семье, то перед основным иероглифом будет добавляться соответствующее число (一, 二, 三, 四 и т. д.).

Как показал фактический материал, лезгинской и китайской языковым культурам свойственно разграничение отцовской и материнской родственных линий. В китайском языке при номинации учитывается и возрастной критерий. В обоих языках существуют отдельные обращения к дядиным женам, которые представляют собой сокращения от полной формы статуса собеседника (姨夫 < 阿姨的丈夫, имидвас < имидин свас).

Общим свойством лингвокультур является также эмоциональнаядержанность в супружеских отношениях, что сказывается и в формулах обращения друг к другу. Существовала традиция, согласно которой не принято было обращаться друг к другу по имени. Она сохраняется в селах и сегодня.

Обращения к жене:

лезг.: *къари* – «старушка», *руши* – «девушка», *паб / я паб* – «жена»;

кит.: 老婆 (lǎopo) – «жёнушка» (исторически сложившееся обращение к старушке), 老伴 (lǎobàn) – «спутник» или «спутница».

Обращения к мужу:

лезг.: лексемы *юлдаи* – «друг», *итим* – «мужчина» могут выступать в качестве обращения к мужу; *гъуль* – вариант обращения к мужу, от которого образуются следу-

ющие номинации и понятия, связанные с браком: *гъульуң вах* – «золовка» (букв. мужчина сестра), *гъульуң стха* – «деверь» (букв. мужин брат); *гъульув гун* – «выдавать замуж» (букв. мужу отдать); *ам гъульук ква* – «она замужем» (букв. она с мужем); *гъульукай хечүн* – «разводиться с мужем» (букв. уходить от мужа); *Мекы къульдни къий, къульзув гъульни!* – «Да пропадут холодная зима и старый муж!»;

кит.: 老公 (lǎogōng) – «муженёк».

В обоих языках встречаются эмоционально-оценочные обращения, но преимущественно в речи молодых пар:

лезг.: *кIаниди* – «любимый»/«любимая», *ширинди* – «сладкий»/«сладкая» и т. п.;

кит.: 亲爱的 (qīnàide) – «дорогой»/«дорогая», 宝贝 (bǎobèi) – «драгоценная»/«драгоценный».

Китайской и лезгинской лингвокультурам свойственно терминов родства при обращении к незнакомым людям. Например, обращение к незнакомому мужчине пре-клонного возраста: в лезг.: *чехи буба* – «дедушка», *хала* – «тетя»; в кит.: 爷爷 – «дедушка», 阿姨 – «тётя». Такого рода обращения указывают на доминирование колективного мышления, а также стремление к общности в рамках обеих культур.

Диминутивные заимствованные формы обращений. Следует отметить, что в дагестанских языках в целом нет словообразовательных средств выражения эмоционально-оценочного отношения, что характерно, например, для русского языка: *мама* – *мамочка* – *мамулечка* и т. д. Экспрессивность может быть реализована на лексическом уровне посредством таких слов, как *chan* – «душа» в значении «любимый», «дорогой» и др. Компенсацией отсутствия подобного рода словообразовательных возможностей актуализации различных коннотаций служит то, что в настоящее время преимущественно в устной речи молодежи наблюдается появление не свойственных уменьшительно-ласкательных форм, образованных от лезгинских наименований путем прибавления русских аффиксов. Например, в лезгинском языке *буба* «отец» становится *бубошка*, *диде* «мать» – *дидешкой*, *хала* «тётя» – *халашка*, *халашечка* и т. д. Схожий процесс наблюдается и в китайском языке, но уже под влиянием английского: отца 爸爸 (bàba) на английский манер называют 爸比 (bàbì), а к матери 妈妈 (māma) обращаются 妈咪 (māmī) и т. д.

Такая тенденция распространяется и на личные имена: *Сапият – Сапиятка*, *Ханум – Ханумка*, *Гасан – Гасанчик*, *Гамид – Гамидик* и т. д. Может происходить их замена на фонетически схожие краткие экспрессивно-окрашенные антропонимы: *Анаханум – Аня*, *Сунаханум – Соня*, *Шахнабат – Шура*, *Ашурбег – Алик*, *Джарулла – Жора*, *Рамазан – Рома* и т. д.

Обоим языкам свойственна специфическая интонация в обращениях, формируемая добавлением фонетически схожих вокативных частиц. Так, в лезгинском языке к обращениям как к родственникам, так и к чужим людям добавляется вокативная частица *я* (часто в сочетании *я chan*), например: *я chan диде* (обращение к матери; букв. «я [о] душа мама»), *я chan бала* (обращение к ребенку; букв. «я [о] душа ребенок»). В китайском языке (чаще в южнофуцзянском диалекте) добавляется префикс *阿* (ā), например в обращении к старшему брату *阿哥* (āgē) или к матери *阿妈* (āmā) и т. д.

В обоих языках наблюдается стремление к сокращению вокативов, что в целом свойственно устной форме общения: в лезгинском языке обращение к отцу *буба* сокращается до *ба*, так же на китайском: 爸爸 (bàba) сокращается до 爸 (bà).

При этом в китайском языке прослеживается более строгая адресация обращений с конкретной дифференциацией по возрасту (старший, младший, а также с порядковым числом в начале обращения) или в зависимости от принадлежности к линии отца/матери. А в лезгинском языке представлены «возвратные» обращения: *чан дидедин* (букв. «мамина душа»), *чан вахан* (букв. душа сестры).

В лезгинском языке отсутствует разграничение в плане обращений на ты/Вы: ко всем лицам независимо от возраста и статуса обращаются *вуна* (актив падеж). В китайском языке существует два вида местоимений: *卿 nǐ* (часто соотносится с русским *ты*) и уважительное *君 jūn*.

Таким образом, лезгинская и китайская лингвокультуры обнаруживают множество общих, перекликающихся черт: особое почитание старшего поколения, доминирование патриархальных устоев, добавление вокативных частиц с уменьшительно-ласкательным оттенком семантики обращения, стремление к сокращению обращений до односложных структур, а также использование терминов родства по отношению к не родственникам.

Литература

1. Разумнова Л.Л., Мигалева Т. Е. Рост политического и экономического влияния Китая в современном мире: плюрализм мнений // Международная торговля и торговая политика. – 2019. – № 4 (29). – С. 42–64.
2. Петербургский М.Ю. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования // Сравнительное конституционное обозрение. – 2019. – № 1 (128). – С. 79–91.
3. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Сер.: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 3. – С. 67–74.
4. Фёдоров М.А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6–2. – С. 83–86.
5. Лезгинский онлайн-словарь «Гаф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gaf.lezgichal.ru/> (дата обращения: 16.04.2021).
6. Корпус китайского языка Пекинского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 18.04.2021).
7. Ганиева А.М. Пословицы и поговорки лезгин. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. – 156 с.
8. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bkrs.info.html> (дата обращения: 17.04.2021).
9. Го Л., Абдуллаева Ф.Э.К. Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма отец – сын) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22, № 4 (84). – С. 1061–1068.
10. Ван Г. Отражение традиционного представления о браке в китайских пословицах // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (201). – С. 102–109.

Поступила в редакцию 8 мая 2021 г.

UDC 811.35/ UDC 811.581

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-2-105–111

Linguistic and Cultural Specifics of Appeals in Lezgian and Chinese languages

Z.G. Aivazova, M.A. Hasanova

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala,
M. Gadzhiev st., 43a; gkm_iyvazova09@mail.ru, gas.marina@mail.ru

The article presents the results of a comparative linguoculturological study of appeals in such different-structured languages as Lezgian and Chinese, examines the similarities and differences of linguocultures in the framework of the implementation of appeal formulas; analyzes the language and speech means of expressing etiquette formulas. The article uses the material obtained from informants-native speakers, as well as from language corpora and open access dictionaries in Lezgian and Chinese. The collected language material is structured into two categories—appeals in family and appeals to non-relatives. It is revealed that the Lezgian and Chinese linguocultures reveal many common, overlapping features: a special reverence for the older generation, the dominance of patriarchal foundations, the addition of vocative particles with a diminutive-affectionate shade of the semantics of the address, the desire to reduce addresses to monosyllabic structures, as well as the use of kinship terms in relation to non-relatives.

Keywords: *Lezgian language, Chinese language, treatment, linguoculturology, comparative analysis, language culture, vocative, speech etiquette.*

Received 8 May 2021